

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. КАЧАЛОВА

ГОРДОСТЬ РУССКОЙ СЦЕНЫ

БОЛЕЕ полувека напряженной, творческой жизни отдал сцене Василий Иванович Качалов.

Первое приобщение к драматическому искусству состоялось еще в гимназические годы. Шестиклассник Вася Шверубович исполнил роль Хлестакова. «До сих пор помню ощущение своего восторга от полного успеха, — рассказывал впоследствии Василий Иванович. — Я стал кумиром Большой улицы».

Детское увлечение сценой переросло в сильную, глубокую страсть в юношеские годы. Будучи студентом-юристом Петербургского университета, он исполнил десятки ролей в любительских кружках и коллективах. Исполненная им роль Несчастливцева в «Лесе» вызвала блестящие рецензии в прессе. Александринский театр стал для него вторым университетом. Друзья шутили: мол, неизвестно, какой университет для Василия дороже.

Дальнейшую судьбу его решила встреча с известным русским актером П. И. Орлевым, который убежденно советовал ему стать актером. «И я уже знал, что буду им, что мой путь — в театр», — писал друзьям молодой студент.

Так, весной 1896 года, по порыву с университетом, Василий Иванович становится актером-профессионалом. Его жажда, страсть к искусству была настолько велика, что за три сезона работы в провинциальных театрах Саратова, Казани он сыграл до трехсот ролей. Но полного творческого удовлетворения за эти годы каторжного труда у него не было.

И вот, в девятисотом году он получил приглашение в Московский художественный театр. Состоявшийся здесь дебют молодого актера оказался неудачным: «Чужие мы друг другу, говорим на разных языках». Новые коллеги считали, что Качалов испорчен провинцией безвозвратно: невнятный, бормочущий язык — огромный минус для настоящего артиста.

Но первая неудача лишь подхлестнула молодого актера: он ходил на все репетиции, слушал знаменитых артистов, режиссеров, учился

«говорить». И спустя несколько месяцев состоялся такой настоящий качаловский дебют. Он блестяще исполнил роль царя Берендея в «Снегурочке». После премьеры Максим Горький подарил артисту свою книгу с такой надписью: «От всей души желаю Вам быть царем на сцене и не Берендеем только».

Полушутливое пожелание писателя оказалось прозорливым. Качалов, действительно, стал гордостью русской и советской сцены. Им были созданы сотни превосходных сценических образов, которые вошли в сокровищницу драматического искусства: Тузенбах и Барон, Юлий Цезарь и Гамлет, Каренин и Чацкий, Хлестаков и Бранд. Названные роли — лишь малая толика исполненных им ролей. Качалов нес на сцену свое страстное утверждение жизни.

В советское время Василием Ивановичем созданы блестящие образы партизанского вожака Вершинина из спектакля «Бронепоезд 14-69», Ведущего из толстовского «Воскресения». По-новому засверкали его прежние роли: Чацкого, Ивана Каренина из пьесы Гамсуна «У врат царства», Барона из спектакля по Горькому «На дне».

И еще одна сторона качаловского дарования: Василий Иванович, выступая на эстраде и по радио, оказался непревзойденным мастером художественного слова. В. И. Немирович-Данченко говорил не единожды про Качалова, что он так же велик на эстраде, как Шаляпин в опере. Актер создал особый жанр эстрадного исполнения драматических произведений — монтажи, в которых исполнял несколько ролей. Например, в концертном варианте «Гамлета» играл все пять мужских ролей один.

Даже в годы войны, подводя к семидесятилетию ружью, Василий Иванович не прекращал своей творческой деятельности. Он читал Гоголя и Толстого, Чехова и Горького, Маяковского и Пушкина, Лермонтова и Есенина.

В только что освобожденном Ленинграде звучал знаменитый качаловский голос, голос актера-мыслителя, голос актера-трибуна:

И сердце колотилось
безотчетно,

И вольный пламень
в сердце закипал,

И в свисте пуль, за песней
пулеметной

Я вдохновенно
Пушкина читал.